

## Отзыв официального оппонента

о диссертации Жарковой Евгении Петровны «**Антиутопии М.Этвуд «Рассказ Служанки» и «Трилогия Безумного Аддама» в контексте традиции и новейших тенденций в развитии жанра**», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (литература стран германской и романской языковых семей)

Западная литература последних десятилетий XX – начала XXI веков, отражая существенные тенденции в эволюции культуры в целом и, в частности, общественной мысли и даже отчасти массового сознания, интенсивно вбирает в свою орбиту антиутопический дискурс, в то же время трансформируя присутствующие в «классических» антиутопиях первой половины-середины XX века сюжеты, образы и, главное, смыслы с учетом новых жизненных и культурных реалий, новых вызовов и угроз, с которыми столкнулась современная цивилизация, чем и определяется **актуальность** выбранной автором темы: исследователь обратилась к творчеству одной из наиболее знаковых современных продолжательниц антиутопической традиции, М. Этвуд, в чьем творчестве, тем не менее, «традиционное» органично сочетается с современными трендами.

*Научная новизна* исследования определяется, прежде всего, неразработанностью в отечественном литературоведении антиутопической линии в творчестве М.Этвуд, далее – самим подходом автора к антиутопическому компоненту в творчестве М.Этвуд как к художественной целостности – с ее собственными сюжетами, образами, мотивами и смыслами, в ее эволюции и одновременно в контексте существующей антиутопической традиции, а также вполне аргументированной постановкой вопроса о соприсутствии в творчестве М.Этвуд черт классической литературной антиутопии – и «массовой литературы» последних десятилетий.

Диссертация Е.П.Жарковой – это первое в отечественном литературоведении развернутое монографическое исследование антиутопической линии в творчестве М.Этвуд, прежде всего в ее «Рассказе Служанки» и «Трилогии Безумного Аддама», которая анализировалась автором работы почти синхронно с изданием на Западе ее частей.. По своему содержанию работа Е.П.Жарковой представляет собой концептуальное исследование, в котором через развернутый анализ антиутопического массива в творчестве М.Этвуд осуществляется выход к важным обобщениям относительно важнейших тенденций в современной литературе и культуре в целом. Через творчество М.Этвуд автор исследования выявляет сохранение значимости в современной литературе традиционных «антиутопических» смыслов – и одновременно появление новых, прежде всего отражающих рефлексию по поводу гендерной проблематики, а также по поводу входящего в современную реальность феномена своеобразного «корпоративного тоталитаризма». Весьма интересным представляется также обращение

исследователя – на материале творчества М.Этвуд – к проблеме границ между «серьезной», опирающейся на классические традиции и «массовой» литературой. В самом деле, последние десятилетия продемонстрировали условность такого деления: как мы видим на примере творчества М.Этвуд, разработка самой серьезной проблематики может сочетаться в современной литературе с приемами и даже «технологиями» «массовой литературы» как средствами привлечения внимания читателей и даже мотивирования в современной рыночной реальности потенциальных спонсоров (как явствует из работы, сама Этвуд считала возможным, не в ущерб сущностным смыслам, вводить, например, в свою «Трилогию Безумного Аддама», по крайней мере, второстепенных героев, которые бы своими именами и бросающимися в глаза особенностями как-то бы могли ассоциироваться с конкретными людьми, интересовавшими писательницу в качестве спонсоров).

Диссертационная работа Е.П.Жарковой развернуто структурирована – она состоит из введения, 2 глав, заключения и библиографии, однако эти главы разделены на 8 подглав, а в рамках подглав соответственно выделен 21 параграф.

Во введении, помимо в общем адекватной содержанию работы характеристики основных ее параметров (актуальность, научная новизна, объект, предмет, материал, цель, задачи, теоретико-методологическая основа, основные положения, выносимые на защиту, теоретическая и научно-практическая значимость, апробация и структура), осуществлен достаточно подробный и корректный обзор отечественной и зарубежной научной литературы по теме диссертации, в рамках которого особый акцент сделан на анализе научной рефлексии по поводу связи творчества Этвуд с существующей антиутопической традицией, в частности корреляций между творчеством Этвуд и классическими антиутопиями О.Хаксли, Е.Замятина и Дж.Оруэлла, а также по поводу того нового, что отделяет ее антиутопии от классических антиутопий (в частности – насыщенности гендерными смыслами).

В рамках введения сделаны также некоторые необходимые уточнения понятийного характера. Вообще современная литературоведческая практика оперирует целым рядом понятий, родственных в смысловом отношении понятию «антиутопия», – это и «негативная утопия», и «дистопия» (это понятие наиболее широко применяется в современном западном литературоведении), и «какотопия» и др. Границы между этими понятиями достаточно зыбки и в ряде случаев являются предметом дискуссии. Поскольку автор данного диссертационного исследования изначально не ставила своей целью анализ именно понятийной идентичности, представляется целесообразным обоснование ею права воздержаться от подобного понятийного анализа и в качестве «рабочего» понятия пользоваться достаточно широким понятием «антиутопия» – тем более что и сама М. Этвуд не обращалась в этой связи к проблеме понятийного разграничения. Впрочем, некоторую уязвимость этому обоснованию придает ссылка автора на тот факт, что М. Этвуд, избегая рефлексии по поводу понятий, относящихся к «антиутопическому»

смысловому полю, сама чаще называла свои произведения все же «дистопиями» или же пользовалась собственным «гибридным» наименованием “ustopia”. Все же если М. Этвуд по каким-то причинам называла свои произведения с антиутопическим содержанием именно так – то это, очевидно, имело в ее глазах какое-то обоснование, и потому был бы смысл либо выявить это обоснование (если оно вербализовано в каких-либо текстах М. Этвуд) и далее уже аргументированно доказать, почему между этвудовскими номинациями и условно принятым автором диссертации для единообразия понятием «антиутопия» по существу в рассматриваемых в диссертации контекстах нет или практически нет разницы.

В первой главе работы «Роман М. Этвуд «Рассказ Служанки» как продолжение и развитие антиутопической традиции», которая представляется наиболее удачной в содержательном отношении, достаточно развернуто анализируется этвудовский «Рассказ Служанки» как антиутопический текст, опирающийся на традиции классической антиутопии (в этой главе в разных контекстах проводится ряд параллелей между «Рассказом Служанки» и классическими антиутопиями О.Хаксли, Е.Замятина и Дж.Оруэлла) и в то же время содержащий в себе и соответствующим образом вербализовавший множество новых смыслов. Собственно антиутопический дискурс открывает широкие перспективы для новаторских трактовок, поскольку в его рамках объектом художественной рефлексии могут выступать совершенно разные феномены в соответствии с авторским представлением об угрозах и вызовах данного времени. М.Этвуд, в силу своих феминистских убеждений, отталкивалась от «патриархальных» гендерных стереотипов как существенного фактора современной реальности, смоделировала ситуацию, при которой эти стереотипы могут стать господствующими, и соответственно «построила» антиутопический мир, жизнь которого определяется этими стереотипами (между прочим, вполне реально моделирование и «феминистского» антиутопического мира как мира торжествующего феминизма). Автор диссертационного исследования вполне корректно проанализировала основные атрибуты «гендерного» антиутопического мира в их связи с существующей антиутопической традицией.

В то же время работа бы существенно выиграла, если бы привлеченный автором диссертации антиутопический контекст был несколько шире и не ограничивался тремя самыми известными антиутопиями. В частности, представлялось бы вполне уместным сопоставление «постапокалиптического» антиутопического мира из «Рассказа Служанки» с «постапокалиптическим» антиутопическим миром из не столь известного, как «О дивный новый мир», романа О. Хаксли «Обезьяна и Сущность» (в обеих антиутопиях появление антиутопического мира обусловлено ядерной войной и последующим вырождением человечества; в обоих мирах «женское» и в особенности «материнское» стигматизированы, а женщина есть прежде всего «сосуд», долженствующий принести плод, но несущий эту свою обязанность как проклятие; и здесь и там – существует своеобразная «материнская норма»,

предполагающая уничтожение детей, родившихся с какими-либо выходящими за «пределы допуска» врожденными пороками).

В первой подглаве первой главы «Образ тоталитарного государства в антиутопии Этвуд» рассматриваются – в контексте классической антиутопической традиции и с фиксацией новых, прежде всего гендерных смыслов – основные атрибуты антиутопического Галаада. Интересен анализ феномена «тоталитарной семьи», каким он предстает в этвудовской антиутопии, как семьи, лишенной личных привязанностей, но подчиненной государственному долгу (здесь, впрочем, представлялась бы уместной параллель с «тоталитарной семьей» из оруэлловской антиутопии «1984»). Интересными представляются также анализ феномена «ампутированной речи» в Галааде, когда существующие нормы отсекают возможность выражения любых *личных смыслов* (здесь, кстати, тоже была бы возможна параллель с оруэлловским «новоязом»), а также феномена «квазиноминации» как «еще одной грани деперсонализации личности» (с.25). В параграфе 1.5 первой подглавы осуществлен хороший анализ искажающей трансформации библейских образов, сюжетов и, главное, смыслов в антиутопиях Замятина, Хаксли, Оруэлла и – в этом контексте – М.Этвуд – когда, например, бинарная оппозиция в оруэлловском «1984» «Старший Брат//Эммануэль Голдстейн» рассматривается как трансформация библейской бинарной оппозиции «Бог//Сатана», а этвудовский антиутопический Галаад рассматривается как «общество, построенное на авторитете библейского текста», которое при этом «становится бесконечно далеким от его верного толкования», поскольку «вырванные из контекста или даже сфальсифицированные отсылки к Священному Писанию выступают как инструмент подавления» (с.29).

Во второй подглаве « Судьба женщины в антиутопии М.Этвуд» внимание автора исследования сконцентрировано на гендерных аспектах организации жизни в антиутопическом Галааде, а также на психологической проблематике антиутопии.

В третьей подглаве «Проблема телесности в антиутопии М.Этвуд «Рассказ Служанки» осуществлено подробнейшее, детализированное описание сущностных атрибутов организации жизни в антиутопическом Галааде через комплекс телесных ощущений. В этой главе многосторонне проанализирована символика тела в этвудовской антиутопии, а в качестве важнейшего атрибута этвудовского антиутопического мира в работе рассматривается *контроль над человеческим телом*, делающий человека полностью зависимым. В этой связи представляются очень уместными проведенные автором исследования оруэлловские параллели – поскольку в «1984» контроль над телом также является важнейшим атрибутом достижения всеобщей преданности государству. Порой здесь автор исследования обнаруживает внешне неявные, но имеющие символический смысл переклички, отражающие, в частности, воспоминания о вкусной пище в «дототалитарном» прошлом: «Как реминисценция на вопрос Уинстона о том, «какие были апельсины», возникает в романе Этвуд сцена похода служанок за покупками и их удивления тем, что в

магазин завезли необычайную редкость, калифорнийские апельсины» (с.52). Впрочем, в контексте *контроля над пищей* как составляющей *контроля над телом* в работе проводятся интересные сопоставления и с замятинской антиутопией «Мы», где также «еда...выступает символом унификации, нивелирования индивидуальности» (с.51), в меньшей степени – с антиутопией Хаксли «О дивный новый мир» (поскольку в самой антиутопии «упоминания о пище...лишь фрагментарны» (с.51)).

В этой же подглаве осуществляется достаточно развернутая рефлексия, в рамках которой сопоставляются антиутопия Этвуд – именно как «гендерная» антиутопия с выраженными феминистскими смыслами – и классические антиутопии Хаксли, Замятина и Оруэлла как написанные авторами-мужчинами: соответственно в них «женское начало и особенно женская телесность осмысляются с позиций главного героя как нечто «иное» по отношению к нему, до конца непонятное, а женщины рассматриваются как искусительницы, своеобразный катализатор духовных изменений в герое-мужчине» (с.42). Эта рефлексия представляется весьма оригинальной – особенно в свете все возрастающего в последнее время интереса к «гендерному» в литературе и в частности к специфике «женского письма».

Очень уместным представляется и явно расширяющее контекстную базу работы обращение автора исследования в этой подглаве к этвудовской реминисценции, восходящей к Холокосту (в самом деле – в реальной истории западного мира именно Холокост есть вершинное проявление воплощения тоталитарной идеологии в ее «правом», «фундаменталистском» варианте), когда «ребенок в восприятии связывает «печи» с приготовлением пищи, заключив, что этих людей будут есть, а взрослая героиня добавляет: «В каком-то смысле так и было», и соответственно «благодаря этому краткому упоминанию о Холокосте гипотетическая ситуация принуждения по отношению к одной из жертв «выдуманного» режима становится вписанной в узнаваемую и реальную историю насилия»(с.55).

В четвертой подглаве «Сюжетно-композиционная организация романа. Особенности повествования» анализируется художественная специфика «Рассказа Служанки» – в частности осуществляется достаточно развернутый и адекватный содержанию романа анализ символического смысла сосуществования в художественном пространстве романа двух временных пластов, далее – подробно охарактеризована композиционная «разбивка» романа, осуществлен качественный анализ структуры речи героини (вплоть до анализа смысловой роли употребления ею обценной лексики). Интересными представляются анализ романа Этвуд как «своего рода коллажа» (с.71), а также анализ второго повествовательного плана в «комментариях историка». Весьма содержательным и «смысломким» представляется также пассаж на с.64-66, посвященный смысловой оппозиции «бунт внешний// бунт внутренний», присутствующей в романе Этвуд, однако описанию этой все же в большей степени смысловой оппозиции можно было, очевидно, посвятить отдельную

подглаву, а не включать этот материал в подглаву, посвященную именно сюжетно-композиционной организации.

Во второй главе работы «Трилогия Безумного Аддама»: проблематика и перспективы развития жанра в начале XXI века» автор диссертационного исследования обратился к другому произведению Этвуд с антиутопическим содержанием – а именно к трилогии, которую в литературоведческом обиходе принято условно называть «Трилогией Безумного Аддама». Эта антиутопическая трилогия, появившаяся на свет совсем недавно, уже в нынешнем веке, и потому отражающая новейшие тенденции в развитии западной литературы, безусловно, отражает реакцию канадской писательницы на новые социокультурные реалии и соответственно на новые угрозы гуманистическим основам существующей цивилизации. Соответственно «доапокалиптический» (поскольку в рамках трилогии он оказывается обреченным на гибель) антиутопический мир, изображенный в трилогии Этвуд, в отличие от классических антиутопий Хаксли, Замятина и Оруэлла, лишен единого центра принятия решений, так что его нельзя назвать классически тоталитарным. Этот мир вообще достаточно «эклектичен» – в каких-то своих репрезентациях он вполне либерален, в каких-то – представляет собой общество массового потребления, однако уровень реальной защищенности отдельного человека в нем крайне низок, поскольку организация его жизни негласно подчинена интересам крупнейших корпораций и представляет собой своеобразный вариант «корпоративного тоталитаризма», хотя и без прямого государственного насилия. Автор исследования осуществила достаточно детальный анализ основных атрибутов этого антиутопического мира. В то же время если в первой главе работы антиутопический мир Галаада вписан в контекст классической антиутопической традиции (по крайней мере, сопоставления с антиутопическими мирами Хаксли, Замятина и Оруэлла здесь достаточно многочисленны и вполне убедительны), то во второй главе работы даже этот контекст представлен очень редкими «вкраплениями», а «Трилогия...» рассматривается как некое замкнутое в себе единство, практически без выхода вовне. Такой подход в общем имеет право на существование – в конце концов, «Трилогия...» Этвуд представляет собой еще новый, малоосвоенный литературный феномен, поэтому развернутый и адекватный его реальному содержанию анализ основных его атрибутов «изнутри» (что в общем и осуществил автор работы) вполне может представлять научную ценность. Тем не менее, в ряде случаев включение в этот анализ «контекстных» смыслов, порой бросающихся в глаза (например, выделение в этвудовском антиутопическом мире «компаундов» для интеллектуалов на фоне «плебсвиллей» для всех остальных вполне может быть сопоставлено с «кастовым» делением с особым статусом «альф»-интеллектуалов в «дивном новом мире» Хаксли), существенно обогатило бы содержание работы.

В первой подглаве первой главы работы «Традиционное и новаторское в «Трилогии Безумного Аддама» анализируются основные атрибуты

антиутопического мира «Трилогии...». Заданное названием подглавы сопоставление с другими текстами ограничивается здесь, правда, в основном сопоставлением с «Рассказом Служанки» – при этом здесь очень четко и корректно охарактеризовано принципиальное различие между двумя этвудовскими антиутопическими мирами: «В «Рассказе Служанки» тоталитарным Галаадом управляют фундаменталисты, идеологи, пытавшиеся воплотить на практике постулаты извращенно понимаемой ими религии и строившие общество на этих основаниях. В «Трилогии Беззумного Аддама» власть оказывается в руках невидимых, но вездесущих финансистов, измеряющих будущее планеты и человечества в «мегабаксах» (с.81). То есть, как аргументированно обосновывает автор работы, ценностные основания у двух антиутопических миров, «вымышленных» одним автором, принципиально различны, и автор диссертационного исследования своей рефлексией вводит эти миры в единое пространство этвудовского творчества (разумеется, в его эволюции). Далее, в этой подглаве достаточно подробно анализируется такой важный атрибут антиутопического мира «Трилогии...», как контроль потребления, – здесь представляется вполне уместной сделанная автором отсылка к «дивному новому миру» Хаксли (с. 84). Поскольку творчество Этвуд немыслимо без обращения к «женской проблематике», автор работы достаточно развернуто анализирует в рамках подглавы и развитие «женской темы» в этвудовской «Трилогии...».

Во второй подглаве «Научно-фантастический элемент в трилогии: проблема генной инженерии» исследователь отдельно анализирует роль науки в этвудовском антиутопическом мире. Здесь сделан ряд интересных выводов и наблюдений – в то же время здесь можно было привлечь ряд интересных контекстов. Например, исследования ученых из антиутопического мира этвудовской «Трилогии...» в области выращивания свиноидов для пересадки их органов человеку (то есть продления человеческой жизни за счет использования «животного» начала) явно коррелируют с исследованиями доктора Обиспо из романа Хаксли «После многих лет умирает лебедь», цель которых – обеспечение долголетия с использованием все того же «животного» (только в данном случае – «обезьяньего») начала и в конечном счете ценой «оживотнивания». Интересна здесь была бы и параллель с романом Хаксли «Обезьяна и Сущность» в контексте присутствующего в этих романах общего смысла: «апокалипсис» (у Хаксли – ядерный, у Этвуд – эпидемический) оказывается следствием именно научного «сверхразвития».

В третьей подглаве «Сопротивление системе. Проблема гуманистического идеала» подробно анализируется *психология сопротивления* в разных ее вариантах, представленных в «Трилогии...» Этвуд. Здесь автор работы делает интересное обобщение, включающее этвудовскую «Трилогию...» в более широкий антиутопический контекст: «Делая открытый бунт против системы обреченным на провал, Этвуд поступает в полном соответствии с жанровой традицией, в которой сама невозможность успешного сопротивления являлась ключевой характеристикой антиутопического

конфликта» (с.102). Автор работы подробно анализирует разные варианты сопротивления системе, реализующиеся в «Трилогии...», – это и *личный бунт* (мать Джимми), и *личная альтернатива* укладу жизни антиутопического мира (отец Тоби), и создание *коллективной действенной альтернативы* существующему миропорядку («вертоградари»), и, наконец, *действенное организованное сопротивление* («аддамиты» с их «биодиверсиями»). При этом в работе анализируется сложное отношение канадской писательницы к каждому из таких вариантов сопротивления – когда личный бунт, личная альтернатива или же коллективная мирная альтернатива (как у «вертоградарей») оказываются бессильны перед лицом антиутопического мира, а ценой более действенного сопротивления аддамитов оказалась (хотя и против их воли) гибель человечества.

Интересной представляется в этой подглаве и фиксация неявной (может быть, не подразумеваемой и самой Этвуд – порой из произведения могут «вычитываться» смыслы, изначально не подразумевавшиеся и самим автором) параллели с «Рассказом Служанки»: если в «Рассказе Служанки» антиутопический мир Галаада вырастает из *ветхозаветной* (хотя и искаженной) картины мира, в «Трилогии...», напротив, из ветхозаветной картины мира (также несколько трансформированной) вырастает уже сопротивление антиутопическому миру.

В параграфе 3.3 третьей подглавы рассматривается еще одна, уже «постапокалиптическая» альтернатива изображенному в «Трилогии...» антиутопическому миру – антропологическая, представленная Детьми Коростеля. Здесь весьма подробно анализируется амбивалентность, в глазах самой Этвуд, этой альтернативы: с одной стороны, это «язвительная насмешка сумасшедшего гения» (с.119), который предложил альтернативу уже уничтожившей себя цивилизации, предполагающую по существу «оживотнивание», но с другой – из текста последнего романа этвудовской «Трилогии...» «вычитывается» авторская надежда на возможность позитивного исхода реализации этой альтернативы. Весьма интересна и проведенная автором исследования параллель между этвудовскими Детьми Коростеля – и «людьми из пробирки» из антиутопии Хаксли «О дивный новый мир».

Наиболее концептуальной и аналитичной представляется четвертая подглава второй главы «Художественное своеобразие трилогии и приметы массовой культуры». Здесь этвудовская трилогия анализируется – с опорой на работы ряда западных исследователей – как «гибридный» литературный феномен, совмещающий в себе черты серьезной литературы – и литературы «массовой». Присутствие в «Трилогии Безумного Аддама» некоторых черт «массовой литературы» выявляется здесь через анализ «тяготения трилогии Этвуд к популярным жанровым формам» (с.132) – особое внимание здесь уделяется присутствию в «Трилогии...» Этвуд черт киберпанка, авантюрного романа, детектива. Осуществленный в этой подглаве анализ сочетания в этвудовской «Трилогии...» черт классической антиутопии и популярных жанровых форм представляется весьма глубоким и аргументированным, и в



конечном счете от рефлексии по поводу такого сочетания непосредственно в этвудовской «Трилогии...» автор исследования выходит уже к более универсальным выводам о «размывании граней между серьезной, элитарной литературой и литературой массовой» (с.137). Впрочем, большую научную корректность этой в общем вполне удачной подглаве придало бы определение понятийной идентичности «массовой литературы» – или, по крайней мере, рефлексия по поводу такой идентичности, может быть, с фиксацией здесь понятийной «размытости».

В заключении сделаны необходимые выводы и обобщения по работе.

При в общем благоприятном впечатлении от работы при ее чтении возникают и отдельные замечания, в основном дискуссионного характера.

Само название работы, а также название второй главы акцентируют внимание на проблеме *жанровой идентичности* произведений Этвуд, в то время как, как отмечает автор исследования в самом начале, анализ этой проблемы не является целью работы – скорее, основным содержанием работы является анализ живой литературной реальности рассматриваемых антиутопий в контексте антиутопий ранее написанных. В таком случае были бы более адекватны реальному содержанию работы такие названия всей работы в целом и второй главы, в которых бы не было акцента именно на *жанровой идентичности* (возможный вариант такого названия всей работы – «Рассказ Служанки» и «Трилогия Беззумного Адама» М. Этвуд: трансформация антиутопии на рубеже XX-XXI вв.»).

Пожалуй, основным недостатком работы является недостаточное внимание автора к контекстной составляющей. Собственно, и название всей работы, и названия обеих глав предполагают рассмотрение этвудовских антиутопий в более широком контексте – но если в первой главе по крайней мере классический антиутопический контекст достаточно разработан, то во второй главе обращения даже к классическим антиутопиям Хаксли, Замятина и Оруэлла достаточно редки, а в ряде случаев упущены даже бросающиеся в глаза параллели. Например, рассуждения автора об этической неоднозначности образов этвудовских бунтарей, смелость и самоотверженность которых могут сочетаться с жестокостью, истеричностью, самолюбованием (с.102), наводят на прямые параллели с «амбивалентными» образами бунтарей из классических антиутопий – и с оруэлловскими бунтарями, согласными во имя торжества своего дела (поскольку они поверили в его осуществимость) плеснуть ребенку в лицо серной кислотой, и с «бунтующим» Бернардом Марксом из романа Хаксли «О дивный новый мир», оказавшегося внутренне зависимым от не принимаемой им системы, ее благ и удобств. Кроме того, помимо трех самых известных антиутопий, в литературный контекст этвудовских антиутопий буквально «напрашиваются» и тоже широко известная антиутопия Р.Брэдбери «451 по Фаренгейту», и романы Хаксли «После многих лет умирает лебедь» и «Обезьяна и Сущность» (о возможности таких параллелей уже говорилось выше). Далее, в контекстную часть могли бы войти не только не упомянутые или бегло упомянутые литературные произведения с родственными сюжетами,

образами и смыслами, но и социокультурный «бэкграунд» антиутопий Этвуд, и ее непосредственная рефлексия по поводу своих произведений, их прецедентных источников или присутствующих в них смыслов в письмах, статьях, дневниках. Поскольку само название работы ориентирует на анализ антиутопий Этвуд в контексте «новейших тенденций в развитии жанра», очевидно, представляла бы интерес рефлексия автора исследования по поводу социокультурных факторов, ставших своеобразным «бэкграундом» антиутопий Этвуд конца XX - начала XXI века, попытка ответить на вопрос, *почему именно в это время* для антиутопии оказалось продуктивным обращение к «гендерным» смыслам, а также моделирование вместо «классически» тоталитарных антиутопических миров первых десятилетий 20 века «эклетичного» тоталитаризма «Трилогии Безумного Аддама». Что же касается обращения к непосредственной рефлексии и «авторerefлексии» самой Этвуд – например, на с.30 диссертации автор мимоходом обращается к эссе *самой Этвуд об Оруэлле*, фиксируя тем самым желание Этвуд показать мир глазами Джулии, – однако этим беглым комментарием рефлексия по поводу этого эссе ограничивается, хотя, вероятно, заочный диалог в этом эссе Этвуд с Оруэллом мог бы стать весьма релевантным «ключом» к диалогу Этвуд с классической антиутопической традицией в целом и к многим отдельным смыслам в ее антиутопиях в частности. Разумеется, предъявляя замечание по поводу «недостаточности» контекстной составляющей, нельзя забывать о том, что данное исследование – *вообще первое* в отечественном литературоведении монографическое исследование антиутопической линии в творчестве Этвуд, поэтому развернутый анализ антиутопий Этвуд большей частью «изнутри» уже представляет научную ценность. Тем не менее, обращение к более широкому контекстному материалу может оказаться продуктивным для автора в его будущей исследовательской деятельности.

Некоторое недоумение вызывают рассуждения автора исследования по поводу соединения в произведениях Этвуд черт антиутопии и утопии на страницах 123-124. Все же утопия – это некая модель совершенного мироустройства, которое совершенно в сравнении с *реальностью*, а не с антиутопическим кошмаром. Поэтому рассматривать как утопические модели просто островки «нормального» мироустройства в рамках (или на фоне) антиутопических миров – будь то «дототалитарное» прошлое в воспоминаниях обитательниц Галлаада в этвудовском «Рассказе Служанки» или «маленькая лесная поляна у ручья» в оруэлловском «1984» – едва ли будет корректно – тогда и резервацию в антиутопии Хаксли «О дивный новый мир» можно рассматривать как утопическое общество, что едва ли имел в виду Хаксли: просто на фоне обезличенного «дивного нового мира» эта резервация оказывается единственным – несовершенным, уродливым, диким – «заповедником» человеческого.

Все высказанные выше замечания и соображения ни в коей мере не умаляют научной ценности данной работы, автор которой по существу стал первооткрывателем в отечественном литературоведении, а именно впервые

открыл российскому читателю важнейший пласт – антиутопический – в творчестве интереснейшей и обретающей в России все большую популярность писательницы. Работа выполнена на высоком научном уровне; сделанные автором выводы самостоятельны и убедительно аргументированы. Наконец, следует отметить хороший научный язык работы.

Представленное к защите диссертационное исследование Е.П.Жарковой является завершенной научно-квалификационной работой, в которой решена важная научная проблема современного литературоведения. Диссертация соответствует паспорту специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (литература стран германской и романской языковых семей), отвечает требованиям п.9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года, а ее автор, Евгения Петровна Жаркова, без всякого сомнения, заслуживает присвоения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (литература стран германской и романской языковых семей).

Официальный оппонент:

Рабинович Валерий Самуилович  
доктор филологических наук  
(специальность 10.01.05 – Литературы народов  
Европы, Америки и Австралии),  
профессор, профессор кафедры  
русской и зарубежной литературы  
департамента «Филологический факультет»  
Уральского гуманитарного института  
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный  
университет имени первого Президента  
России Б.Н. Ельцина»



Адрес: 620002. Уральский федеральный округ  
Г.Екатеринбург ул. Мира, д.19  
Электронная почта: zarlit.urfu@gmail.com  
Мобил. тел. 80122452060  
Рабочий тел. 8(343) 350-75-98

01.12.2017

*Подпись* Рабиновича В.С.

**Заверяю**

